

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201154-168>

Исследовательская статья

Андреева Юлия Олеговна
к.и.н., независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
julia.o.andreeva@gmail.com

Гуляева Евгения Юрьевна
научный сотрудник отдела Кавказа и Средней Азии
Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
guliaevaevgenia@list.ru

Далалаян Торк Самвелович
к.ф.н., заместитель директора по научной работе
Институт Археологии и Этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
torqdal@yahoo.com

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ АРМЯН ОРДУБАДСКОГО РАЙОНА НАХИЧЕВАНСКОЙ АССР В 1950–1980-е гг.

Аннотация. Статья посвящена религиозным практикам армян, проживавших в 1950–1980-е гг. на территории Ордубадского района Нахичеванской Автономной Советской Социалистической Республики. Основная задача состоит в том, чтобы ввести в научный оборот новые полевые материалы, предварительный анализ которых предлагается в этой статье. Исследование выполнено в рамках устноисторического подхода и основано на материалах интервью с бывшими жителями Нахичеванской АССР, которые вынужденно или добровольно покинули свою родину в позднесоветский период. Полевая работа проводилась в Армении и России в 2021–2023 гг. Несмотря на религиозные гонения в довоенное время, армяне продолжали идентифицировать себя как христиан, посещать святые места, ставить свечи, отмечать христианские праздники. Большинство информантов не были крещены, другие обряды жизненного цикла ограничивались гражданскими церемониями. В то же время многие в той или иной форме отмечали некоторые религиозные праздники, а для жителей Ордубадского района самым значимым событием в году был Вардавар (Преображение Господне). К этому дню было приурочено паломничество к святым местам, жертвоприношение матах и застолье. Информанты почти ничего не рассказывали о преследованиях или ограничениях на участие в религиозных праздниках. Наш полевой материал показал, что отсутствие функционирующих религиозных институтов в Нахичевани привело к тому, что религиозная жизнь сместилась в область домашнего и неофициального.

Ключевые слова: Нахичевань; Гохтн; армяне; религия; святые места; религиозные практики; календарь

Для цитирования: Андреева Ю.О., Гуляева Е.Ю., Далалаян Т.С. Религиозные практики армян Ордубадского района Нахичеванской АССР в 1950–1980-е гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 154-168.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201154-168>

Research paper

Julia O. Andreeva,
Cand. Sci. (History), Independent researcher, Saint Petersburg, Russia
julia.o.andreeva@gmail.com

Evgenia Y. Guliaeva,
Research fellow of the Department of Ethnography of the Caucasus and Central Asia
The Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg, Russia
guliaevaevgenia@list.ru

Tork Dalalyan,
PhD, Vice-director
Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
torqdal@yahoo.com

RELIGIOUS PRACTICES OF THE ARMENIANS OF THE ORDUBAD DISTRICT OF THE NAKHICHEVAN ASSR IN THE 1950–1980s

Abstract. The article is devoted to the religious practices of Armenians who lived in the 1950s-1980s on the territory of the Ordubad district of the Nakhichevan Autonomous Soviet Socialist Republic. The main task is to introduce new materials into the scientific circulation, a preliminary analysis of which is offered in this article. The research was carried out within the framework of the oral history approach and is based on the materials of interviews with former residents of the Nakhichevan ASSR, who were forced or voluntarily left there in the late Soviet period. Fieldwork was conducted in Armenia and Russia in 2021-2023. Despite the religious persecution in the pre-war time, Armenians continued to identify themselves as Christians, visit holy places, light candles, and celebrate Christian holidays. Most of the informants were not baptized, all rites of the life cycle were limited to civil ceremonies. At the same time, many in one way or another celebrated some religious holidays, and for the residents of the Ordubad district the most significant event of the year was Vardavar (Transfiguration of Jesus). This day was timed to the pilgrimage to holy places, the sacrifice of *matagh* and the feast. Our interlocutors almost did not tell anything about the persecution or restrictions on participation in religious holidays. Our field material showed that the absence of functioning religious institutions in Nakhichevan led to the fact that religious life shifted to the sphere of domestic and informal.

Keywords: Nakhichivan; Goght'n; Armenians; religion; holy places; religious practices; calendar

For citation: Andreeva J.O., Guliaeva E.Y., Dalalyan T. Religious Practices of the Armenians of the Ordubad District of the Nakhichevan ASSR in the 1950–1980s. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N.1. P. 154-168.

Введение

В статье мы ставим своей целью рассмотреть религиозные практики армян, проживавших в 1950–1980-е гг. на территории Ордубадского района Нахичеванской АССР (с 1990 г. — Нахичеванская автономная республика в составе Азербайджана)¹. Данное исследование представляет научный интерес по двум причинам. Во-первых, после начала Карабахского конфликта в 1988 г. армянского населения в Нахичевани не осталось², но в настоящее время с помощью биографических интервью еще есть возможность зафиксировать их воспоминания. Последним предопределен выбор Ордубадского района — здесь в отличие от других частей республики в нескольких деревнях до последнего момента сохранялось армянское население. Во-вторых, религиозные практики армян Ордубадского района осуществлялись не просто на периферии атеистического государства, но еще и среди иноэтничного и инорелигиозного азербайджанского³ большинства, в условиях, с одной стороны, географической близости к Армянской ССР, где титульной нацией были армяне-единоверцы, с другой, закрытости региона в связи с его пограничным статусом, куда допускался въезд лишь по специальным пропускам. Основная задача авторов — ввести в научный оборот новые полевые материалы, предварительный анализ которых и предлагается в данной работе.

В советское время история и этнография ордубадских армян интересовали только армянских исследователей [9; 10; 11], впрочем, заниматься современностью было не принято (исключение [11]). Уже после распада СССР появились работы по эпиграфике Агулиса [12], диалектам [13] и этнографии армян Гохтна конца XIX — начала XX в. [14]. Вопросам религиозной жизни этой группы в советское и постсоветское время внимание в литературе не уделялось.

В армянской историографии, опирающейся на средневековые армянские первоисточники, территория Ордубадского района соотносится с гаваром (районом) Гохтн

1. Границы республики приблизительно соответствуют Нахичеванскому ханству (1747–1828 гг.), по результатам русско-персидской войны 1826–1828 гг. оно вошло в состав Армянской области (позже — Эриванской губернии) Российской империи. После Первой мировой войны, революции 1917 г., вооруженных столкновений армянских и мусульманских отрядов в 1918–1920 гг., турецкой и британской оккупации на эту территорию претендовали и Республика Армения, и Азербайджанская Демократическая Республика. В 1920 г. была установлена советская власть и провозглашена Нахичеванская Советская Социалистическая Республика. Условием заключения советско-турецкого договора о границах стало вхождение Нахичевани в состав Азербайджана [1, с. 17, 18, 92, 103–105, 116–117; 2, с. 109].

2. Большую часть XX в. абсолютная и относительная численность армян сокращалась. Если по переписи 1897 г. армян было около 34,6 тыс. человек [3], что составляло около 1/3 населения Нахичевани, то после потрясений 1910-х — начала 1920-х гг. армянское население сильно сократилось. В 1926 г. оно насчитывало только 11,3 тыс. человек или 11% населения региона [4]. Великая Отечественная война имела свои демографические последствия, а в послевоенное время массовая урбанизация и миграция касались в большей степени армян. В 1959 г. в Нахичеванской АССР проживало чуть более 9,5 тыс. армян [5], что составляло менее 7% населения. По переписи 1979 г. армян уже было только 3,4 тыс. или 1,4% населения. Они проживали в селах Ордубадского района, в крупном моноэтничном армянском селе Азнаберд Бабекского района, а также немного в городах Нахичеванской АССР [6].

3. Этноним «азербайджанцы» получил официальное распространение только в 1930-е гг., до этого тюркоязычное преимущественно шиитское население определяло себя либо по языку термином — «тюрк» (так называют азербайджанцев сейчас многие соседние народы), либо по религиозной принадлежности — «мюсюлман» [7, с. 7], а в официальных документах их называли «закавказскими татарами» или «азербайджанскими татарами», либо «тюрками». Наши информанты называли азербайджанцев по-армянски «т'урк'» (թւրք), что в восточноармянском разговорном языке является синонимом религиозной принадлежности — «мусульманин», так, например, глагол «т'урк'анал» (թւրքանալ) означает «стать мусульманином» [8, с. 379], по-русски — азербайджанцами. Как в 1950–80-е гг. они определяли себя сами — через религиозные, этнические или смешанные категории — вопрос, требующий отдельного исследования. По нашим данным, несмотря на то что жители Нахичевани во второй половине XX в. были вполне секуляризованными, тюркоязычное население могло определять себя как мусульман, противопоставляя себя армянам, которых называло «эрмени». Мы в этой статье придерживаемся официальных на тот период этнонимов — армяне и азербайджанцы.

(арм. Գոխթնի) [15, с. 48, 51, 64, 72, 73; 10, с. 4]. Этот топоним активно используется как в среде армянских ученых, так и в повседневной коммуникации. Он стал востребованным в начале 1990-х гг. после того, как бывшие жители нескольких сел Ордубадского района поселились в конце 1988 г. в сел. Кабахлу Вайоцзорской области Армении и решили переименовать новое для себя место в Гохтаник. Таким образом, понятие Гохтн является актуальной географической категорией, поэтому и мы вслед за информантами используем это название.

Именно в сел. Гохтаник в 2021–2023 гг. было взято большинство наших интервью. Несколько бесед состоялось также в соседнем селе Эрмон и в г. Ереван, а также в России — в Краснодаре, Москве и Санкт-Петербурге. Основной нашей задачей был сбор информации о святых местах Нахичевани. Разговаривая о прошлом, мы затрагивали более широкий круг вопросов: повседневную жизнь и память о соседстве с азербайджанцами⁴, судьбу армянских памятников в Нахичевани⁵, историю выселения армян и многое другое. Наше исследование можно отнести к области устной истории, оно не претендует на реконструкцию объективной картины прошлого, а сфокусировано на рассказах наших собеседников. Их воспоминания связаны во многом с текущей оценкой армяно-азербайджанского конфликта, изменением статуса религиозных практик и т.д. В качестве расширения перспективы исследования далее будет полезно сопоставить полученные данные с архивными материалами, но сейчас мы ограничиваемся полевыми источниками.

Нам удалось поговорить с 29 бывшими жителями Ордубадского района. Тринадцать человек родились в сел. Парака, в 1950–1980-е гг. это было единственное моноэтническое армянское село. В остальных местах армяне и азербайджанцы жили вместе. Мы побеседовали с восемью уроженцами сел. Бист. Четыре человека были родом из Алахи (Алаги, Ахаецик), двое из сел. Чананаб или Цхна, один из сел. Насирваз или Месропаван, один из сел. Аза и один из сел. Танакерт. С родившимися в сел. Рамис нам не удалось поговорить, но несколько человек о нем рассказывали, т.к. оттуда родом были их родители.

Среди наших информантов преобладали мужчины в возрасте 50–70 лет. Из 29 человек примерно треть жила в Ордубадском районе до 1988 г., большинство же уехало оттуда еще в 1960–1980-е гг. На родине у них оставались родители, ставшие беженцами и поселившиеся в сел. Кабахлу или в других частях Армении или в России.

Прежде чем переходить к описанию религиозных практик армян Ордубадского района опишем в общих чертах ситуацию с религией в позднесоветский период в районах с армянским населением.

Религиозная политика СССР

В период до Второй мировой войны множество религиозных сооружений на Южном Кавказе, как и в других частях Советского Союза, было либо разрушено, либо использовалось не по назначению в качестве складских помещений, домов культуры

4. О памяти армян-нахичеванцев и их соседстве с азербайджанцами в 1950–1980-е гг. см. [16].

5. Санкционированное властями Азербайджана разрушение армянских святынь в Нахичевани, и в первую очередь — известного кладбища IX-XVII вв. в Джуге с около 3000 хачкаров [17], — сквозной мотив, проходящий во всех интервью. Их исчезновение, устанавливаемое нашими информантами по Гугл-картам, рассматривается как уничтожение свидетельств армянского присутствия в Нахичевани.

или школ [18, с. 142–143]. Священнослужители подверглись массовому истреблению в результате репрессий. Жесткая политика борьбы с религиозными организациями и внедрение атеистической идеологии довоенного периода к середине 1940-х гг. сменилась ограниченным принятием традиционных конфессий, к которым относилась и Армянская Апостольская Церковь (далее — ААЦ). Дальнейшее улучшение ситуации произошло под руководством Католикоса Вазгена I (1955–1994 гг.), когда Армения в сравнении с другими республиками получила определенную религиозную свободу [19, с. 15]. На всей территории Азербайджана с 1958 по 1964 гг. регистрировалось три армянские церкви, в 1965 г. уже две [20, с. 301]. В Нахичевани действующих церквей не было.

Католикос Вазген I относил всех советских армян к членам ААЦ [20, с. 303]. Несмотря на отсутствие заметных преследований, жизнь верующих была сильно ограничена. Антрополог Тамара Драгадзе, говоря о религиозных практиках в послесталинский период, прибегает к понятию «доместикации религии». С одной стороны, она подчеркивает вымещение религиозного из публичной сферы в приватную. С другой стороны, отмечает, что, проводя домашние ритуалы, миряне допускались в ту область, которая раньше была доступна только религиозным специалистам [18, с. 144]. В этих обстоятельствах важное значение приобретали «низовые» практики, в частности, почитание и паломничество к локальным святыням, визионерство. В советский период духовенство, как правило, дистанцировалось от таких обычаев [19, с. 16], а светские власти нередко относили их к «пережиткам». В постсоветской Армении часть вернакулярных практик получает официальное одобрение ААЦ, а другую относят к «языческим суевериям» [19, с. 18].

Хрущевская антирелигиозная кампания 1958–1964-х гг. была направлена на борьбу с неофициальной религиозностью. 28 ноября 1958 г. ЦК КПСС принял Постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”». Борьба со святынями затронула и территории Южного Кавказа. Например, в начале 1960-х гг. в Азербайджане фиксировали 14 пиров и оджагов, а после проведенной антирелигиозной работы было доложено о закрытии 5 объектов. Однако после проверки Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР оказалось, что некоторые прежде закрытые святые места возобновили работу [21, с. 96]. В 1971 г. председатель Совета по делам религий В.А. Куроедов сообщал о 13 святынях на территории Армении и о существующем массовом паломничестве в августе к месту недалеко от Еревана, где когда-то располагалась церковь Девы Марии [20, с. 308]. Из чего можно заключить, что полностью искоренить посещение святых мест не получилось. Возможно, антирелигиозная кампания сказалась на посещаемости или публичной презентации армянских сельских святых мест, но бывшие жители Нахичевани не рассказывали нам истории о преследованиях или ограничениях в посещении святынь, хотя, мы должны учитывать, что большинство из них были детьми в пик религиозных гонений. Только два человека, родившиеся в 1940-е гг., упоминали, что их отцы были членами партии, поэтому не принимали участие в посещении церквей и паломничестве, но закрывали глаза на то, что женская половина семьи с детьми это делала (ПМА 2021, Краснодар, муж., 1944, Нахичевань; ПМА 2021, Гохтаник, муж., 1947, Парак)⁶.

Антрополог Юлия Антонян отмечает, что 1960–1980-е гг. в Армении были временем

6. При цитировании полевых материалов здесь и далее мы указываем год и место записи интервью, а также пол, год и место рождения информанта.

появления новых сурбов — семейных святынь, ставших доступными соседям и чужакам [22, с. 372–373]. Иногда для фамильных реликвий строили отдельные сооружения — матуры, которые становились публичным местом, но имели хранителей. В отличие от церквей, матуры — место, где отсутствуют строгие требования к одежде и поведению, а медиаторы и иерархии не обязательны [22, с. 374].

Ситуация с религией в Нахичеванской АССР не была уникальной: закрытые церкви, отсутствие священнослужителей, светская идеология. Однако христианство оставалось одним из оснований этнической идентичности армян, в том числе и в советское время. ААЦ рассматривалась как специфически национальная религия, способная выполнять важные функции объединения нации и поддержки ее становления как национального государства. При этом не существует стандартизированной модели религиозности, в повседневности проявления национальной религии могут быть разными [23, с. 322, 330]. Это обстоятельство и делает необходимым изучение конкретных локальных кейсов, которое в данном случае позволило бы ответить, в частности, на вопросы: как именно была устроена религиозная сфера жизни армян Ордубадского района? Существовали ли практики, которые поддерживали христианскую идентичность?

Отношение к религии и религиозной обрядности

Рассказы информантов создавали впечатление, что религия в их жизни значительной роли не играла. Они подчеркивали, что росли в условиях доминирования коммунистической и атеистической идеологии, где религия и культовые объекты не считались значимыми. Если в Армении в послевоенное время количество крещений увеличивалось⁷, в том числе проводились и тайные крещения, то среди наших собеседников крещеных в период их проживания в Нахичевани практически не было. Большинство из них крестились уже в позднесоветское и постсоветское время в Армении или России. Чтобы крестить ребенка в советское время, требовалось проделать путь до Армении, где были действующие церкви. На такой шаг шли, например, если здоровье ребенка было под угрозой⁸, причем, остальные дети в семье могли быть некрещеными. При этом крестики на теле могли носить и те, кто не был крещен. Свадьба и похороны также были светскими обрядами. Наши собеседники объясняли такое положение тем, что действующих священников и церквей в то время не было. О наличии «духовного лидера», который брал на себя роль неофициального религиозного специалиста и читал молитвы, как было, например, в Ширакском марзе в Армении [24, с. 87], нам не рассказывали. Обрядовая сторона жизни сводилась к светским церемониям, но в то же время не означала, что жители Нахичевани не считали себя христианами.

Несмотря на то, что в разных сферах жизни армяне Ордубадского района тесно взаимодействовали с азербайджанцами, в области религиозного пересечений с ними не было. Например, нам указывали на то, что азербайджанцы-мусульмане не ходили на армянские святыни, в том числе и на источники с целебной водой, хотя практики

7. «Если в 1949 г. в Эчмиадзине крестились 203 человека, то в 1950 г. — 1796 человек. По данным за 1966 г., в Армении крестилось 13380 человек, все это дети дошкольного возраста, в 1968 г. эта же цифра составила 15000, из них 14000 крестились в возрасте до 7 лет, а 200 — будучи совершеннолетними» [27, с. 82].

8. О практике крещений детей со слабым здоровьем см. [24, с. 79].

совместного почитания святых мест представителями разных конфессий и народов фиксировались ранее в других частях Нахичевани и на границе региона с областью Сюник [25; 26, с. 44]. Неизвестны были нашим собеседникам сакральные локусы мусульман. В то же время азербайджанцы, с одной стороны, воспринимались как большие ревнители благочестия (обрезание, молитвы на похоронах и власть муллы считались обязательными составляющими их жизни), с другой, когда речь шла о сверстниках, их описывали как типичных советских нерелигиозных людей.

И армяне, и азербайджанцы, похоже, не вникали и не посягали на «чужие» святыни, и, в целом, не пересекались во время религиозных календарных праздников.

Религиозные календарные праздники

Разговор о религиозных практиках и священных местах шел лучше, когда был привязан к рассказам о праздниках. Собеседники перечисляли советские гражданские и церковные праздники в одном ряду: Новый год, Трендез (Сретение Господне), 23 февраля, 8 марта, Затик (Пасха), 1 мая, День Победы, Вардавар (Преображение Господне), 7 ноября.

По календарю ААЦ Рождество приходится на ночь с 5-ого на 6-е января и совмещено с Крещением. В сел. Бист на праздник устраивали застолье: «...плов, зелень, то, что на Пасху готовили, только яиц не красили» (ПМА 2023, Гохтаник, муж., 1955, Бист), на следующий день 7 января проводили поминки Мерелоц, которые осмысливались как поздравление умерших родственников с Рождеством. В сел. Парака большинство Рождество не отмечало.

Чаще всего бывшие жители Ордубадского района называли праздник Покр Затик (Малая Пасха), реже озвучивали другие варианты — Сурб Цнунд (Святое Рождество) и Чрорхнек (букв. «крещение воды»). По канону, Рождеству предшествует пост, но о нем, как и о других постах, нам никогда не рассказывали.

Трендез — Сретение Господне (по церковному календарю ААЦ отмечают 13 февраля) в Гохтне, по-видимому, праздновали во всех селах. Дети обходили дома, через ердик (отверстие в центре купольного перекрытия крыши) опускали мешок и требовали угощения: «Хыдыр, Хыдыр нас зовет, кто не даст долю Хыдыра, пусть ему Бог даст семь слепых дочерей, и они упадут в тандыр и сгорят» (ПМА 2021, Ереван, муж., 1949, Насирваз).

Произносилась «колядка» на тюркском с упоминанием имени Хыдыра или Хызыра (видимо, замещает имя Св. Саркиса⁹), культ которого широко распространен в Передней Азии среди мусульманских народов [28]. В селах, где армяне и азербайджанцы жили вместе, к соседям-мусульманам не заглядывали, обходили только армянские дома (ПМА 2021, Москва, муж., 1960; муж., 1964, Бист). В этот день из семи компонентов готовили блюдо аханц — смесь из зерен пшеницы, грецких орехов, сушеного тута и др. Было принято прыгать через костры, а в советское время еще и жечь покрывки.

9. У азербайджанцев праздник Хыдыр Наби (Хызыр Ильяс, Хыдырляз) отмечали в конце февраля — начале марта. Святой считался олицетворением плодородия. Предполагалось, что он прискачет на своем сером коне и отведает говут — оставленные для него в плоской посуде с подковой и ячменем приготовленные из пшеничной крупы шарики или трубочки [29, с. 531; 30, с. 499]. Это сходно с представлениями армян о святом Саркисе, его праздник отмечали за 64 дня до Пасхи (между 18 января и 23 февраля). Для святого оставляли на подносе похиндз — кушанье в виде шариков из пшеничной крупы. На утро след от подковы коня свидетельствовал, что ночью святой Саркис посетил дом, что сулило семье благополучие [31, с. 293–294].

В Бисте Затик (Пасху) / Мец Затик (Большую Пасху) отмечали в третье воскресенье апреля, то есть дата была переходящей, но не по канону. К празднику красили яйца. В меню пасхальной трапезы входила рыба, плов с изюмом, зелень и вино. На Пасху было принято посещать находящийся в километре от села Кармир ванк (Շիրմիր լիճ — «красный монастырь») ¹⁰, там ставили свечи. На следующий день после праздника ходили на кладбище. В Алахи и Насирвазе Пасху отмечали примерно также (ПМА 2023, Ереван, муж., 1949, Насирваз; муж., 1950, Алахи).

Информанты обратили наше внимание на отличия в праздновании: «*В нашем селе [Параке — Ю.А., Е.Г., Т.Д.] яйца не катали на Затик, в Бисте делали именно Затик. А у нас все было второго мая, красили яйца, ходили на кладбище, каждый ставил стол на своих могилах. А в Бисте был Затик*» (ПМА 2021, Гохтаник, муж., 1968, Парака).

Инф. 1: «*...на Маевку в Параке все собирались на кладбище. Кушали, потом пели в память погибших, играли в разные игры. На маевку играли в яйца. Маевка вместо Пасхи (Затика)*».

Инф. 2: «*У нас не было Маевки, у нас Затик, мы чистые армяне [смеется]*» (ПМА 2021, Гохтаник, инф. 1 — муж., 1947, Парака; инф. 2 — муж., 1964, Бист).

Иными словами, на Маёвку — официальные советские праздничные дни — была частично перенесена пасхальная обрядность. Для поминовения родных 2 мая в Параку съезжались односельчане из Еревана и других частей Армении. В селах Аза и Цхна тоже отмечали Маёвку.

В повествованиях о праздниках особенно выделяются нарративы об отмечавшемся в третье воскресенье июля Вардаваре (Преображение Господне): «*...в советское время самый хороший праздник у нас был Вартевур*¹¹» (ПМА 2021, Гохтаник, муж., 1968, Парака). В этот день было принято всех обливать водой¹². В Параке, Бисте, Алахи и Насирвазе дети караулили прохожих у арыков с ведрами холодной воды. По рассказам наших собеседников, мусульман не обливали.

К Вардаварау было приурочено двухдневное паломничество к святому месту Сари Сурб Ншан (Սարի Սուրբ Նշան, «горный святой знак»), расположенному рядом с вершиной г. Капутджух (3900 м), находящейся на границе Ордубадского района Нахичеванской Автономной Республики и Сюникской области Республики Армения. В горы преимущественно ходила молодежь, причем молодые люди это делали чаще, чем девушки. Женщины, с которыми мы разговаривали, если и бывали там, то не чаще одного-двух раз.

Накануне вечером или перед рассветом паракинцы начинали подниматься по ущелью р. Парагачай, 10 км старались проехать на машинах, потом примерно 3 км шли в гору. Жители Биста, Алахи и Насирваза подходили к вершине с другой стороны — вдоль р. Месроповани гет часто на лошадях и ослах (путь верхом занимал около двух часов). С собой паломники брали теплые вещи и одеяла, поскольку в горах было холодно.

Сари Сурб Ншан представлял собой полуразрушенную постройку. На рассвете там ставили свечи и начинали спуск с горы. Жители Биста, Алахи и Насирваза

10. Историк А. Айвазян использует название «пустынь Святого Ншана» [10, с. 43–44].

11. Вардавар на паракинском диалекте — Вартевур.

12. В экономике Гохтна и особенно в садоводстве вода играла значительную роль, поэтому не случайно, что именно праздник Вардавар стал главным в календарном цикле жителей Гохтна [32].

направлялись в уже упоминавшийся выше Кармир ванк, там «рядом на лужайке стелили и вместе накрывали стол» (ПМА 2021, Москва, муж., 1960, Бист) и делали матах: приносили в жертву барана, козла или петуха. Мясо полагалось раздать в семь домов¹³. Чтобы исполнилось желание просящего, тот, кто брал, говорил: «*ынтунели*» (րնդ/թռննելի [րնդ] — «Пусть будет принято») (ПМА 2021, Москва, муж., 1960, Бист).

Паракинцы после спуска с горы устраивали пикник у источника: «*Перед этим молодежь поднимается, вечером ночуем там, потом свечи зажигаем и оттуда спускаемся к речке и оттуда начинаем поливать друг друга*» (ПМА 2021, Краснодар, муж., 1958, Парака). Большинство тех, кто не ходил к Сари Сурб Ншану, посещали находившееся в полутора-двух часах пешком от Параки святое место Егия Маркара (Եղիա Մարգարի — Илья Пророк), пожилые люди ходили в церковь Акоб-Айрапет (Հովոր Հայրապետ) на окраине села. Каждая семья также старалась сделать матах. При этом азербайджанцы были исключены из круга лиц, которым давали мясо:

Соб.: А угощали кого-то?

Инф. 1: Да, всем, всем семьям.

Соб.: А вот азербайджанцев кирва¹⁴?

Инф. 1: Нет.

Инф. 2: Нет-нет.

Инф. 1: Это матах — святое. Их нет (ПМА 2021, Гохтаник, инф. 1 — муж., 1961, Парака; инф. 2 — жен., 1961, Парака).

В свою очередь и мусульмане не давали ничего армянам на Курбан-байрам, хотя на Новруз угощать чем-нибудь могли.

Современная практика жертвоприношения предполагает, что животному дают освященную священником соль. В Гохтне вместо нее давали землю, принесенную со святого места.

В целом, практика паломничества к святыне и жертвоприношение в Ордубадском районе Нахичеванской АССР, как и в других частях Армении, были формой семейного и группового воссоединения, возобновления социальных связей. Не случайно на родину к этому дню приезжали бывшие жители Параки, Биста, Алахи и Насирваза.

В каждом селе, где жили армяне, были святые места, куда ходили в праздничные дни или в случае какой-либо необходимости. Обычно это были полуразрушенные здания церквей или развалины бывших религиозных сооружений. Новые сурбы не появлялись, что, видимо, было связано с постоянным оттоком армян с территории Нахичевани и их ориентацией на Советскую Армению.

Помимо матаха, приуроченного к Вардаварау, жертвоприношение делали по обету: по случаю выздоровления, поступления в институт, возвращения из армии или благополучного исхода аварии. Эта практика, судя по описаниям, не отличалась от того, что делали и делают в других частях Армении и Азербайджана [33, с. 223–224; 34, с. 529].

По поводу празднования Вардавара в других селах Ордубадского района сведений у нас мало: он не перечисляется в первых рядах, как это происходит у бывших жителей Параки, Биста, Алахи, Насирваза. Единственный информант из Азы говорил, что они

13. Требование раздать жертвенное мясо в семь домов является повсеместным и для Армении, и для Азербайджана.

14. Кирва — восприемник в исламе у некоторых народов Кавказа, который держит ребенка при обрезании. Функция кирва сходна с функцией крестного отца у христиан. Позднее сохранилось только символическое значение — друг семьи. О кирва в Нахичевани см. [16, с. 128–129].

не праздновали (ПМА 2023, Гохтаник, муж., 1959, Аза). Собеседник из Цхны сообщил, что принято было ставить свечи в церкви Сурб Степанос, делать матах, обводить жертвенное животное вокруг церкви и давать ему землю из святого места (ПМА 2023, Гохтаник/Эрмон, муж., 1955, Цхна).

Еще один праздник, о котором нам рассказывали бистинцы, было Воздвижение Св. Креста — Су(р)п' Хэч («святой крест», в литературном языке — Сурб Хач). Его отмечали во второе воскресенье сентября, посещали кладбище, а потом устраивали застолье (прежде всего у тех, у кого в текущем году были умершие). В этот день готовили хорови плав (или бриан): в печи тонир запекали козленка, под него ставили казан с пшеничной крупой ачар, куда стекал мясной сок и жир (ПМА 2023, Гохтаник, муж., 1955; жен., 1956, Бист).

Заключение

Наши собеседники отмечали, что полноценно исповедовать религию в советский период было невозможно из-за отсутствия церквей и священнослужителей, тем не менее, они подчеркивали, что сохраняли армянские традиции. Религиозная составляющая присутствовала в их жизни как в виде определенных ежегодных праздников и зажигания свечей в кризисных ситуациях¹⁵, так и в виде паломничества на Вардавар и жертвоприношения на праздник или по обету. Большинство религиозных практик перешли в неформальную сферу, неподконтрольную никакой институции. Праздники выполняли функцию семейного и внутригруппового воссоединения, что, видимо, в немалой степени способствовало их сохранению. Совместное паломничество на Сари Сурб Ншан сплачивало армян Параки, Биста, Алахи, Насирваза. В частности, соседские связи, видимо, повлияли на то, что позже в Армении беженцы решили поселиться вместе.

Опираясь на собранные интервью, мы можем заметить определенные локальные различия: по сравнению с паракинцами у жителей Биста лучше сохранялась обрядность религиозных праздников: они отмечали Рождество, Пасху, Сурб хач. Встают вопросы, на которые сложно ответить в рамках данного исследования, но можно учесть в будущих работах. Не повлияло ли на это совместное проживание армян с азербайджанцами? Не сказалась ли необходимость поддержания символических границ между двумя сообществами на консервации праздничной культуры?

Тесные контакты с азербайджанцами в повседневности и на работе не приводили к включению их в религиозную жизнь: святые места и праздники были у них разграничены.

Сравнивая религиозную ситуацию в Ордубадском районе с Армянской ССР, мы видим, что в Гохтне не росло число крещений, не появлялись новые святыни, не было людей, бравших на себя функции духовных лидеров. Видимо, это можно объяснить постоянным оттоком армянского населения из региона.

В ходе полевой работы мы не зафиксировали прямых свидетельств религиозных гонений хрущевского периода. Все, что было связано с религией, скорее, считалось старомодным и неактуальным, а не запретным и несущим репутационные риски. В то

15. Так, например, нам рассказывал один из собеседников о своем отце: «На Вартегур ставил [свечи — Ю.А., Е.Г., Т.Д.], но не верил»; «В Бога верит, в церковь не верит» (ПМА 2021, Гохтаник, муж., 1961 г.р., Парака).

же время ситуативное прибежание к христианским святыням, например, в случае болезни, не считалось зазорным. Конечно, мы не можем однозначно утверждать, что никаких преследований не было, но материалы интервью показывают, как централизованная атеистическая политика преломлялась на локальном уровне, а неформальные религиозные практики не считались противоречащими государственной идеологии.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РЦНИ и КН РА в рамках научного проекта №20-59-05013 и №21AG-6A080. Мы благодарим всех бывших жителей Нахичевани, поделившихся своими воспоминаниями, и выражаем особую признательность Карлосу Агабабяну, Сильве Бабаян, Мгеру Есяяну, Володе Никогосяну, Амбарцуму Самвеляну и Хачику Шмавоняну. Кроме того, эта работа была бы невозможна без помощи коллег Арусяк Агабабян, Аргам Айвазяна, Артака Варданяна и Эвии Оганнисян.

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Center for Science Information and the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia under research project # 20-59-05013 and # 21AG-6A080. We thank all former residents of Nakhchivan and especially Karlos Aghababyan, Silva Babayan, Mher Yesayan, Volodya Nikoghosyan, Hambardzum Samvelyan and Khachik Shmavonyan. In addition, this work would not have been possible without the help of colleagues Arusyak Aghababyan, Argam Aivazyan, Artak Vardanyan and Eviya Hovhannisian.

Рис. 1. Компания молодых людей из с. Парака поднимается на гору Сари Сурб Ншан в день празднования Вардавара. С. Парагачай, Ордубадский р-н, лето 1980 г. Фото из архива Г.Б. Агабабяна

Fig. 1. A group of young people from Paraka village climbing Sari Surb Nshan mountain on the day of Vardavar celebration. Paragachay village, Ordubad district, summer 1980. Photo from the archive of G.B. Aghababyan

Рис. 2. Компания молодых людей из с. Парака празднует Вардавар у родника Каркара-дзор после спуска с горы Сари Сурб Ншан. С. Парагачай, Ордубадский р-н, лето 1980 г. Фото из архива Г.Б. Агабабяна

Fig. 2. A group of young people from Paraka village celebrate Vardavar at Karkara-dzor spring after descending from Sari Surb Nshan mountain. C. Paragachay village, Ordubad district, summer 1980. Photo from the archive of G.B. Aghababyan

Рис. 3. Вершина г. Капутджух, 1980 г. Фото А.А. Айвазяна

Fig. 3. The summit of Kaputdzhukh, 1980. Photo by A.A. Ayvazyan

Рис. 4. Святилище Сари Сурб Ншан на вершине г. Капутджух, 1980 г. Фото А.А. Айвазяна

Fig. 4. Sanctuary of Sari Surb Nshan on the top of Kaputdzhukh, 1980. Photo by A.A. Ayvazyan

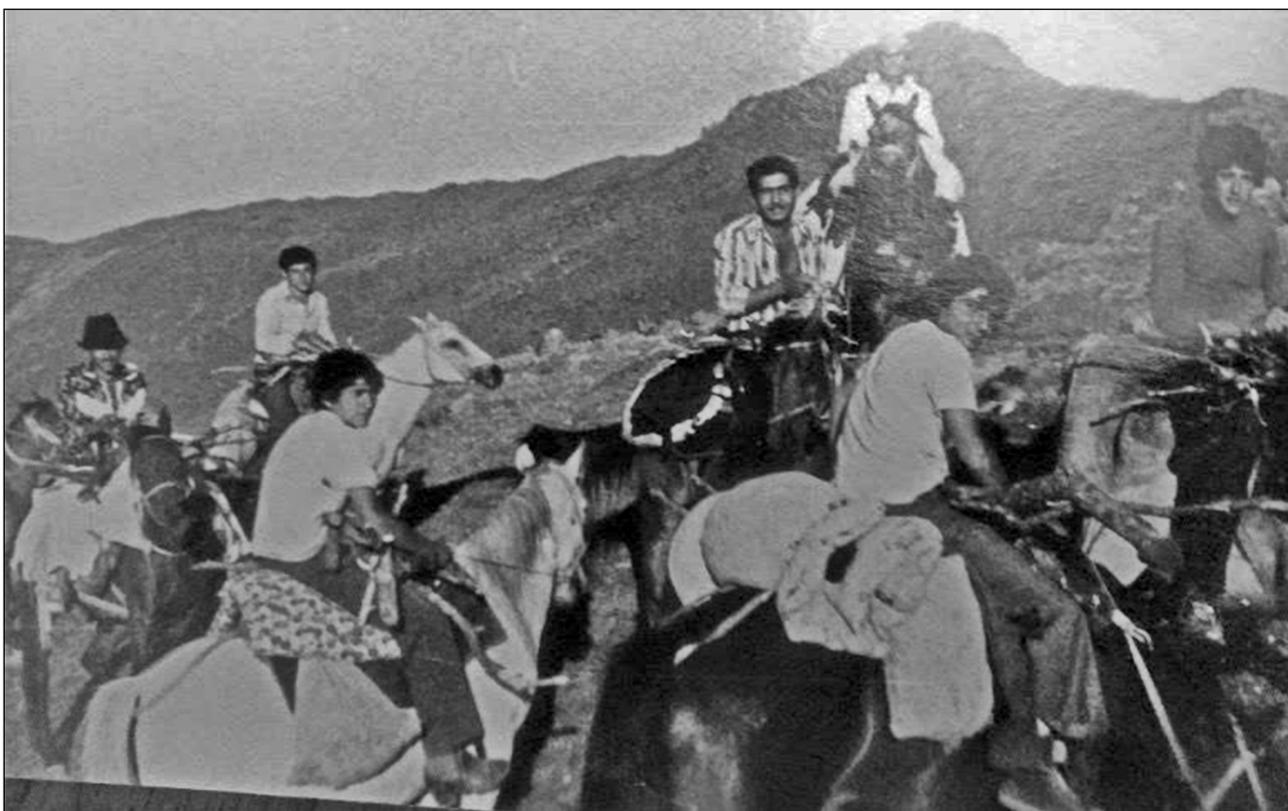

Рис. 5. Парни из Биста на склоне г. Капутджух, на пути к святилищу Сари Сурб Ншан, 1970-е гг.
Фото из архива А.А. Айвазяна

Fig. 5. Boys from Bist on the slope of Kaputdzhukh, on the way to the sanctuary of Sari Surb Nshan, 1970s.
Photo from the archive of A.A. Ayvazyan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Altstadt A. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Stanford: Hoover Institution Press, 1992.
2. Шнирельман В. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. (Губернские итоги). Т. 51-89. С.-Петербург: 1903-1905. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=575 (дата обращения: 13.12.2023).
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-29. Т. 10-16. Таблица VI. Население по полу, народности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2294 (дата обращения: 13.12.2023).
5. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Таблица 3, 4. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566 г, 1566 д. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=66 (дата обращения: 13.12.2023).
6. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6209-6237. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=76 (дата обращения: 13.12.2023).
7. Мамедли А. Введение // *Азербайджанцы / отв. ред. В. Мамедли, Л.Т. Соловьева*. М.: Наука, 2017. С. 5–11. (сер. Народы и культуры).
8. Անտանիս Հր.Յ. Հայերէն գաղափարական բառարան. Թիֆլիս: Լազարեան ճեմարան, 1913.
9. Այվազյան Ն.Ք. Գողթն գավառի տարազը 19-րդ դարում և 20-րդ դարի լիզրին // Աշխատություններ Հայաստանի փաստաբանության փետրական թանգարանի: Հատոր VI. Եր.: Հայաստան, 1975. Էջ. 93–113:
10. Айвазян А. Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР. Ереван: Айастан, 1981.
11. Тер-Саркисянц А.Е. Современная сельская семья у нахичеванских армян // *Полевые исследования Института этнографии 1979 г.* М.: Наука, 1983. С. 98–105.
12. Այվազյան Ա. Նախիջևանի վիճազրական ժառանգությունը, հատոր Գ, Գողթն գավառ. Եր.: Գասպրինտ տպագրատանը, 2007:
13. *Վարդանյանի Ա. Հյուսիսային Գողթնի միջրարբարը*. Մենագրություն. Երևան: ՀՀ ԳԱԱ Հ; Աճառյանի անվ. լեզվի ինստիտուտ, 2021:
14. Այվազյան Ա. Գողթն. ազգագրական նյութեր. Երևան, Հեղ հրատ, 2018:
15. *Երևանյան Ս.Տ. Հայաստանը ըստ «Աշխարհացույցի», ՀՍՍՌ ԳԱ Պատմության ինստիտուտ, Եր.: ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1963:*
16. Андреева Ю.О., Гуляева Е.Ю. Нахичеванские армяне: память о соседстве в 1950–1980-е гг. // *Кунсткамера*. 2022. № 2. С. 116–133.
17. Ayvazyan A. *Historiography at the Service of Monument Degradation // Monuments and Identities in the Caucasus. Karabagh, Nakhichevan and Azerbaijan in Contemporary Geopolitical Conflict*. Ed. by I. Dorfman-Lazarev and N. Khatchadourian. Leiden: Brill, 2023. P. 379–390.
18. Dragadze T. *The domestication of religion under*

REFERENCES

1. Altstadt A. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Stanford: Hoover Institution Press, 1992.
2. Shnirelman V. *Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Moscow: Akademkniga, 2003. (In Russ.)
3. *First General Census of the Russian Empire in 1897 Table XIII. Distribution of population by native language. (Provincial results)*. Vol. 51-89. St. Petersburg: 1903-1905. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=575 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
4. *All-Union Population Census of 1926. Moscow: Publication of the Central Statistical Office of the USSR, 1928-29*. Vol. 10-16. Table VI. Population by gender, nationality. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2294 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
5. *All-Union Population Census of 1959 Table 3, 4. Distribution of the population by nationality and native language*. RGAE. F. 1562. Op. 336. D. 1566, 1566 d. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=66 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
6. *All-Union Population Census 1979 Table 9c. Distribution of the population by nationality and native language*. RGAE. F. 1562. Op. 336. D. 6209 -6237. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=76 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
7. Mammadli A. Introduction. *Azerbaijanis*. Ed. by A. Mammadli, L.T. Solovyova. Moscow: Nauka, 2017: 5-11. (In Russ.)
8. Adjarian HY. *Armenian Provincial Dictionary*. Tbilisi: Lazarian Seminary, 1913. (In Armenian)
9. Avagyan NK'. The Costume of Goghtn province in the 19th century and the beginning of the 20th century. *Works of the State History Museum of Armenia*. Vol. 6. Yerevan: Hayastan, 1975: 93-113. (In Armenian)
10. Ayvazyan A. *Monuments of Armenian architecture of the Nakhchivan ASSR*. Yerevan: Hayastan, 1981. (In Russ.)
11. Ter-Sarkisyan AE. Modern rural family among Nakhichevan Armenians. *Field research of the Institute of Ethnography 1979*. Moscow: Nauka, 1983: 98-105. (In Russ.)
12. Ayvazyan A. *The Epigraphic Heritage of Nakhichevan. Volume C. Goghtn Province*. Yerevan: Gasprint tpragratany, 2007. (In Armenian)
13. Vardanian A. *The Dialect of Northern Goghtn*. Yerevan: Acharian Language Institute of NAS RA, 2021. (In Armenian)
14. Ayvazyan A. *Goghtn Ethnographic Materials*. Yerevan: Hekh hrat, 2018. (In Armenian)
15. Yeremyan ST. *Armenia according to the "Map". Institute of History of the USSR Academy of Sciences*. Yerevan: Institut istorii Armyanskoy akademii nauk SSSR, 1963. (In Armenian)
16. Andreeva J., Guliaeva E. Nakhichevan Armenians: Memory of Neighborhood in 1950–1980s. *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 116-133. (In Russ.)
17. Ayvazyan A. *Historiography at the Service of Monument Degradation. Monuments and Identities in the Caucasus. Karabagh, Nakhichevan and Azerbaijan in Con-*

- Soviet communism // *Socialism: ideals, ideologies, and local practice* / ed. by C. M. Hann. London, New York: Routledge, 1993. P. 141–150.
19. Siekierski K. The Armenian Apostolic Church and Vernacular Christianity in Soviet Armenia // *Keston Newsletter*. 2013. No. 18. P. 15–20.
20. Corley F. The Armenian Church under the Soviet Regime, Part 2: The Leadership of Vazgen // *Religion, State and Society*. 1996. Vol. 24. No. 4. P. 289–343.
21. Ахмадуллин В.А. Деятельность советского государства и духовных управлений мусульман по организации паломничества (1944–1965 гг.): анализ исторического опыта и значение для современности. М.: Исламская книга, 2016.
22. Antonyan Y. Worship of Shrines in Armenia: Between Soviet and Post-Soviet Modernities // *Journal of Religion in Europe*. 2021. No. 14. P. 367–391.
23. Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. No. 56 (2). P. 315–332.
24. Манучарян Н. Практики тайных крещений в советской Армении // *Армянский гуманитарный вестник*. 2022. №9. С. 78–100.
25. Лисициан С.Д. «Святыни» у перевалов // *Советская этнография*. 1936. №5. С. 200–212.
26. Варданян А. Зов Вишапасара: Статьи, эссе, рассказы. Пер. с арм. А. Хармандарян. Ереван: Тигран мец, 2010.
27. Багдасарян А.А. Армянская Апостольская Церковь и советское государство: особенности взаимоотношений // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 2018. №1. С. 75–87.
28. Пиотровский М.Б. Хадир // *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 576.
29. Бабаев Т. Традиционные праздники // *Азербайджанцы* / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2017. С. 529–538.
30. Шахбазов Т. Народные верования // *Азербайджанцы* / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2017. С. 497–512.
31. Харатян Гр.С., Мкртчян С.С. Праздничная культура: традиции и современность // *Армяне* / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука, 2012. С. 286–306.
32. Դալալյան Տ.Ս. Վարդավառի ուխտագնացությունը դեպի Կապուտջուղի Սարի Սուրբ Նշան սրբավայր և դրա հետ կապված ջրի պաշտամունքը // *Սյունիք*. մշակույթը և բնությունը: Գիտաժողովի ամփոփագրեր (26-28 ապրիլի, 2022 թ., ՀՀ ԳԱԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ) (հրատարակության պատրաստեցին Հասմիկ Աբրահամյանը, Ռոման Հովսեփյանը և Անի Սարատիկյանը). Եր.: ՀԱԻ հրատ, 2022. Էջ 23–25:
33. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература, 1998.
34. Нурузаде Ш. Ислам в Азербайджане // *Азербайджанцы* / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2017. С. 512–529.
- temporary Geopolitical Conflict*. Ed. by I. Dorfman-Lazarev and H. Khatchadourian. Leiden: Brill, 2023: 379–390.
18. Dragadze T. The domestication of religion under Soviet communism. *Socialism: ideals, ideologies, and local practice*. Ed. by C. M. Hann. London, New York: Routledge, 1993: 141–150.
19. Siekierski K. The Armenian Apostolic Church and Vernacular Christianity in Soviet Armenia. *Keston Newsletter*. 2013. No. 18: 15–20.
20. Corley F. The Armenian Church under the Soviet Regime, Pt. 2: the Leadership of Vazgen. *Religion, State and Society*. 1996. Vol. 24. No. 4: 289–343.
21. Akhmadullin VA. *Activity of the Soviet state and spiritual administrations of Muslims on the organization of pilgrimage (1944-1965): analysis of historical experience and significance for the present*. Moscow: Islamskaya kniga, 2016. (In Russ.)
22. Antonyan Y. Worship of Shrines in Armenia: Between Soviet and Post-Soviet Modernities. *Journal of Religion in Europe*. 2021. No. 14: 367–391.
23. Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments. *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. No. 56(2): 315–332.
24. Manucharyan N. Baptism in the midst of atheism of Soviet Armenia. *Bulletin of Armenian Studies*. 2022. №9: 78–100. (In Russ.)
25. Lisitsian SD. “Sanctuaries” at the passes. *Soviet Ethnography*. 1936. №5: 200–212. (In Russ.)
26. Vardanyan A. *Call of Vishapasar: Articles, essays, stories*. Ed. by L. Mikaelyan. Yerevan: Tigran Mets, 2010. (In Russ.)
27. Baghdasaryan AA. Armenian Apostolic Church and the Soviet state: the peculiarities of relations. *Vestnik of Moscow University*. Ser. 8. History. 2018. №1: 75–87. (In Russ.)
28. Piotrovsky MB. Khadir. *Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia*. Т. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1992: 576. (In Russ.)
29. Babayev T. Traditional holidays. *Azerbaijanis*. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2017: 529–538. (In Russ.)
30. Shahbazov T. Folk beliefs. *Azerbaijanis*. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2017: 497–512. (In Russ.)
31. Kharatyan GrS., Mkrтчyan SS. Holiday Culture: Traditions and Modernity. *Armenians*. Ed. by L.M. Vardanyan et al. Moscow: Nauka, 2012: 286–306. (In Russ.)
32. Dalalyan TS. Pilgrimage of Vardavar to the holy shrine of Sari Surb Nshan of Kaputjg and the worship of water associated with its culture and nature. *Abstracts of the conference (April 26-28, 2022, Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia)*. Prepared by H. Abrahamyan et al.). Yerevan: IAE, 2022: 23–25. (In Armenian)
33. Ter-Sarkisyan AE. *Armenians. History and ethno-cultural traditions*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998. (In Russ.)
34. Nuruzade Sh. Islam in Azerbaijan. *Azerbaijanis* / ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2017: 512–529. (In Russ.)

Поступила в редакцию 05.11.2023 г.
Принята в печать 29.12.2023 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

Received 05.11.2023
Accepted 29.12.2023
Published 15.03.2024